

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Типы номинаций главного героя в романе П. Зюскинда «Парфюмер» и
способы их перевода на русский язык**

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Теория перевода и межъязыковая коммуникация»
Профиль «Немецкий язык»

очной формы обучения
Быстрова Оксана Павловна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Григорьева Л.Н.

Рецензент:
к.ф.н., ст. преп. Крепак Е.М.

Санкт-Петербург
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	2
Введение.....	3
Глава I.....	6
1.1. Понятие номинации	6
1.1.1. Вторичная номинация.....	7
1.1.2. Повторная номинация.....	9
1.2. Оценка в номинации	10
1.3. Метафора в номинации.....	12
1.4. Перевод номинаций в художественном тексте.....	13
1.5. Типы переводческой эквивалентности	14
1.6. Виды переводческих трансформаций	16
Вывод.....	20
Глава II.....	22
2.1. Типы анализируемых номинаций.....	22
2.2. Метафоричные номинации	24
2.3. Оценочные номинации	35
2.4. Повторные номинации.....	42
2.5. Трансформации при переводе номинаций	48
Вывод.....	56
Заключение	57
Список литературы	59
Список словарей.....	62
Список материалов.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Любое художественное произведение — это неповторимый набор образов, сюжетных перипетий, скрытых и явных смыслов, созданный автором для своих читателей. Это особый фикциональный мир, зачастую никак не связанный с реальными событиями, но, тем не менее, пользующийся средствами того языка, на котором он написан.

Одним из таких языковых средств выступают номинации, в том числе и героев произведений. В тексте они не только становятся идентификатором определенного персонажа, но и выполняют ряд важных текстообразующих функций.

Данная дипломная работа посвящена изучению типов номинации главного героя в романе П. Зюскинда «Парфюмер», а также сопоставительному анализу данных номинаций с их соответствиями в русском переводе.

Объектом изучения выступает система номинаций главного персонажа Жана-Батиста Гренуя, а также предложенные данным номинациям соответствия в тексте русского перевода.

Предметом анализа является изучение переводческих стратегий, используемых для создания эквивалентного портрета литературного персонажа на языке перевода.

Новизна и актуальность данного исследования определяется, прежде всего, сопоставительным характером, поскольку создаваемый автором портрет Жана-Батиста Гренуя сравнивается с тем портретом, который возникает в результате перевода романа на русский язык. Кроме того, разработка системы номинаций одного персонажа позволяет выделить определенные закономерности функционирования различных видов номинаций на уровне художественного произведения.

Материалом исследования послужил роман П. Зюскинда «Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders» и его перевод на русский язык, выполненный переводчицей Э. В. Венгеровой.

Цель работы заключается в последовательном описании языковых средств создания портрета литературного персонажа на немецком и русском языках с выявлением черт сходства и различий между ними, а также в характеристике предложенных переводчиком эквивалентов. Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) Подготовить теоретическую базу проводимого в работе исследования по двум аспектам:
 - а) Лингвистический понятийный аппарат:
 - Раскрыть понятие номинации;
 - Описать типы вторичных номинаций;
 - Исследовать функции повторных номинаций в художественном тексте.
 - б) Переводческий понятийный аппарат:
 - Описать особенности перевода художественной литературы;
 - Раскрыть понятие эквивалентности, указать существующие классификации;
 - Изучить существующие классификации переводческих трансформаций.
- 2) Провести выборку номинаций главного героя методом параллельного сопоставления текстов;
- 3) Выявить и описать закономерности номинации главного героя в тексте романа;
- 4) Выявить типы номинаций, представляющие особую сложность для перевода;

- 5) Проанализировать перевод соответствующих номинаций;
- 6) Разработать принципы перевода для каждого из проанализированных типов.

Для исследования был использован **метод** сплошной выборки, лингвистического, сопоставительного и статистического анализа. Всего было выявлено около 1500 номинаций, включая местоимения, а также имена собственные и нарицательные, как в изолированных позициях, так и в сочетании с различными видами атрибутивных конструкций.

ГЛАВА I

1.1. ПОНЯТИЕ НОМИНАЦИИ

Поскольку одним из центральных понятий данного исследования является понятие номинации, обратимся к его толкованию в современной лингвистике.

Лингвистический энциклопедический словарь предлагает несколько дефиниций данного понятия. В первом случае под номинацией понимается процесс образования языковых единиц, несущих номинативную функцию, то есть единиц, называющих и вычленяющих фрагменты действительности, формирующих соответствующие им понятия в форме слов, словосочетаний, фразеологизмов и предложений; во втором случае данное понятие обозначает значимую языковую единицу, возникающую в результате процесса номинации¹.

При описании процессов номинации принято руководствоваться концепцией «семантического треугольника», разработанной лингвистами Ч. К. Огденом и А. А. Ричардсом на основе идей логика Г. Фреге. Треугольник предполагает соотношение трех составляющих, а именно: реалии (референта / денотата), понятия (сигнификата / концепта / смысла / образа) и имени (слова / формы / экспонента / знака)².

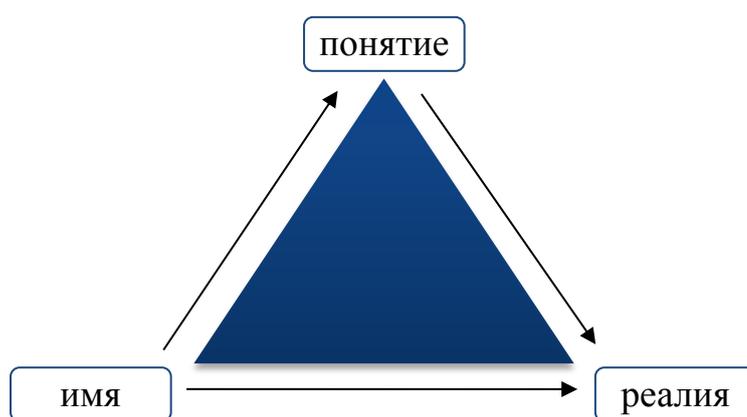

Рис. 1

¹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 336.

² Там же.

В существующих научных работах вершины треугольника имеют различные названия. Они представляют собой взаимосвязь трех категорий: 1) какое-либо явление или объект действительности; 2) представление человека об этом явлении или предмете; 3) принятое в языке наименование³. Так, в процессе номинации языковой знак приобретает определенное понятие, значение, которое будет отражать характерные качества и свойства денотата⁴.

Изначальные, или первичные, акты номинации встречаются в условиях современной языковой действительности весьма редко. В основном лексический состав пополняется за счет заимствований из других языков или же за счет вторичной номинации⁵.

1.1.1. Вторичная номинация

Каждый языковой элемент изначально возникает для выполнения определенной функции. Но по мере развития языка элемент может получить дополнительные функции, вторичные по отношению к основной. То есть, происходит процесс означивания одной и той же языковой формой сразу нескольких сигнификатов. Именно таким образом появляются вторичные функции или вторичные номинации. Форма, используемая для обозначения объекта в его первичной функции, соответственно будет являться примером первичной номинации⁶.

Существует несколько способов образования вторичных номинаций: 1) словообразование; 2) синтаксическая транспозиция, в результате которой меняется синтаксическая функция, но сохраняется лексическое значение

³ Яшина Т. В. Вариативность семантического треугольника в аспекте изучения терминологических единиц [Электронный ресурс] // Огарев-online. — 2013. — №4. — 6 с. — URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/variativnost-semanticheskogo-treugolnika-v-aspekte-izucheniya-terminologicheskikh-edinic> (дата обращения: 12.11.2017).

⁴ Колшанский, Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. — М. : Наука, 1977. — с. 101.

⁵ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 336.

⁶ Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковые номинации. Общие вопросы. — М. : Наука, 1977. — С. 243.

слова (друг — дружить — дружный); 3) семантическая транспозиция, результатом которой становится приобретение словом нового значения⁷.

Вторичные номинации могут быть как языковыми, так и речевыми. На языковом уровне таковыми будут являться закрепленные в словарях значения слов, на речевом уровне — окказиональное употребление лексических единиц в несвойственном им значении⁸.

Вторичные номинации различаются характером указания на действительность и подразделяются исследователями на две категории: автономные и неавтономные, или косвенные. Единицы языка и речи, относящиеся к первой группе, способны указывать на объекты действительности автономно, для реализации нужного значения они не нуждаются в особом комбинаторном расположении. Что же касается второй группы номинаций, то они способны реализовать свое вторичное значение лишь в сочетаниях с определенными словами, в определенных синтаксических конструкциях или в определенном контексте. Например, *стальные нервы*, *море слез* и т.д. Особым случаем косвенных номинаций являются фразеологизмы-идиомы, которые возникают в результате переосмысления сочетания в целом.

Нужно отметить, что большую роль в формировании всех видов вторичных номинаций играет ассоциативное мышление человека. В процессах вторичной номинации зачастую происходят переносы по сходству и смежности между элементами значения, лексические единицы переосмысливаются «в соответствии с логической формой тропов — метафор, метонимии и т.п. и функционального переноса»: *ручка* (для письма), *гореть* (о лампочке). Те элементы значения, которые переходят во вторичное значение, образуют внутреннюю форму слова, и обуславливают его мотивированность (*спутник*). Если же с течением времени внутренняя форма

⁷ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 337.

⁸ Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. — М. : Наука, 1977. — С. 129.

слова передается забвению, то значение слова становится немотивированным (*кольцо*)⁹.

1.1.2. ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ

Когда денотат получает обозначение в определенном контексте, а затем вновь в нем называется, то в этом случае, согласно В. Г. Гаку, речь идет о повторной номинации¹⁰.

Соотношение первичной номинации и повторной номинации может рассматриваться с трех различных аспектов: парадигматического, синтагматического, и функционального.

Парадигматический аспект затрагивает отношение наименования к объекту. В этом случае повторная номинация может быть идентичной (если денотат получает такое же наименование, как и при первичной номинации), или же вариативной (если новое наименование отличается от предыдущего по смыслу). Рассмотрение системы номинаций персонажа предполагает наличие достаточно разнообразных языковых средств для его обозначения. Такая вариативность обусловлена тем, что одно и то же лицо в речи может обозначаться не только с использованием его имени собственного, но и его признаков (по полу, возрасту, профессиональной деятельности и др.).

Повторные номинации могут быть однофокусными, если объект по-разному именуется одним и тем же субъектом, и многофокусными, если объект именуется разными субъектами. В художественной речи зачастую можно найти совмещенные номинации, особенно часто они присутствуют в несобственно-прямой речи, когда за именованием, данным автором, скрывается отношение другого персонажа и наоборот.

По расположению в тексте, или с синтагматической точки зрения, повторные номинации делятся на дистантные (стоящие в новых актах обозначения) и сопряженные (следующие непосредственно друг за другом).

⁹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 337.

¹⁰ Гак В. Г. Языковые преобразования. — М. : Школа Языки русской культуры, 1998. — С. 524–527.

Семантика повторной номинации определяет ее положение в номинативной цепи: абстрактное наименование, как правило, предшествует конкретному, а конкретная номинация — местоимению.

По функциональному признаку повторные номинации делятся на нейтральные и экспрессивные. Например, идентичные повторные номинации способны создать экспрессию за счет стилистического повтора. Так, при определенных комбинациях разных видов повторных номинаций помимо основной, семантической функции (замена первичной номинации), могут выполняться и вторичные функции: строевая и стилистическая¹¹.

1.2. ОЦЕНКА В НОМИНАЦИИ

Как уже было сказано выше, вторичные номинации могут быть разделены на две категории: языковые и речевые. Процесс возникновения речевых номинаций связан не только с самим именем и обозначаемым предметом, но и еще с одной стороной — интерпретатором. Таким образом, речь заходит о таком понятии как прагматика, введенном семиотиком Ч. Моррисом в 30-е годы XX столетия. В современной лингвистике прагматика занимается довольно широким спектром проблем, касающихся вопросов функционирования языка в речи. Такая широта постулата, согласно Э. С. Азнауровой, «привела к значительному разбросу тем и проблем, обсуждаемых в рамках этого лингвистического направления, начиная от прагматической интерпретации языковых знаков и теории речевых актов до изучения прагматических параметров литературной коммуникации и текста в его динамике, соотнесенного с «Я» творящего текст человека¹².

Субъективное восприятие действительности интерпретатором определяет то, какой признак будет заложен в имя объекта номинации, что

¹¹ Там же.

¹² Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова. — Ташкент: Фан, 1988. — С. 10.

выступает «как важное средство художественной выразительности»¹³ и становится основой для создания оценочных номинаций.

В. А. Мещерякова-Клабахер отмечает, что взгляды ученых на выделение эмоциональных, экспрессивных и оценочных компонентов значений разнятся. Некоторые придерживаются мнения о том, что эмоциональность предполагает оценку (например, Н. А. Лукьянова). Другие (например, Е. М. Вольф) считают, что эмоционально окрашенные слова не обязательно содержат в себе оценку¹⁴

Под экспрессивностью речи в широком смысле понимается ее нейтральность, отстранение, деавтоматизация, ее необычность и выразительность, которые связаны с тем фактом, что сигнал языкового высказывания оказывается усилен либо (1) посредством стилистических приемов, либо (2) интенсификации качественного или количественного аспектов обозначаемого, либо (3) посредством того, что языковой сигнал побуждает реципиента к определенному ассоциативно-образному восприятию, возникновению у него положительной или отрицательной оценки к объекту высказывания. В результате усиления сигнала языковое выражение приобретает два разных по природе вида информации: объективную и субъективную. Субъективная информация несет в себе отношение говорящего к отображаемой действительности, которое в основе своей зачастую является эмоциональным¹⁵.

Одним из аспектов оценки является понятие эмоциональности. Эмоциональность высказывания может быть оценена по нескольким шкалам, которые отображают, например, интеллектуальность, бесстрастность, индивидуальные особенности речи, а также то, является ли выбранная субъектом номинация безобразной или же ассоциативно образной. Это

¹³ Гак В. Г. Языковые преобразования. – М. : Школа Языка русской культуры, 1998. — С. 525.

¹⁴ Мещерякова-Клабахер В. А. Номинация лица в текстах немецких СМИ (на примере номинаций писателя). Дисс. на соискание уч. степ. к. ф. н.: 10.02.04 — Герм. яз. — СПбГУ. — СПб., 2015. — С 42.

¹⁵ Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Институт языкознания; Отв. ред. В. Н. Телия. — М. : Наука, 1991. — С. 7.

свойство имеет непосредственное отношение к степени прозрачности восприятия высказывания¹⁶.

В рамках нашего исследования мы будем говорить об оценочных номинациях как о лексических единицах, в которых содержится субъективный оценочный компонент, характеризующий главного героя. При этом такие номинации будут отличаться повышенной или сниженной эмоциональностью. Некоторые из оценочных номинаций также будут обладать особой стилистической окраской с усилительной функцией, которая будет рассматриваться нами как элемент экспрессивности.

1.3. МЕТАФОРА В НОМИНАЦИИ

С явлением вторичной номинации, как уже было сказано, неразрывно связано такое средство выразительности как метафора. О.С. Ахманова в своём словаре лингвистических терминов объясняет понятие метафоры следующим образом: «Троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т. п.»¹⁷. Лингвистический Энциклопедический Словарь даёт следующее определение: «метафора (от греч. *metaphora* — перенос) — троп, или механизм речи, состоящей в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п. для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичному данному в каком-либо отношении...»¹⁸.

Пример использования метафоры в процессе номинации может быть неоднократно найден при обозначении Жана-Батиста Гренуя, протагониста произведения. Персонаж далек от типичного литературного образа героя эпохи романтизма. Будучи рожденным на грязной торговой площади среди рыбьих помоев, пережив десяток болезней и жизненных невзгод, он остался в

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. : Советская энциклопедия, 1966. — С. 231.

¹⁸ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 296.

живых. Он «проголосовал за жизнь из чистого упрямства и из чистой злобности».

Эта устойчивость, необычайная «живучесть» Гренуя побуждает автора произведения прибегнуть к использованию языковых метафор из животного мира: «он был вынослив, как приспособившаяся бактерия, и неприхотлив, как клещ, который сидит на дереве и живет крошечной каплей крови, раздобытой несколько лет назад». А. Салахова пишет о параллели, которая может быть проведена между романом и новеллой Ф. Кафки «Превращение», где «герой, самым фантастическим образом превратившись в насекомое, сохраняет (стремиться сохранить) человеческую психологию». У Зюскинда все наоборот: сохраняется только человеческое обличье; «“превращение“ в животное затрагивает внутренний мир героя и становится залогом его парадоксальной выживаемости»¹⁹.

1.4. ПЕРЕВОД НОМИНАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Художественное произведение считается совершенно особым типом текста с точки зрения перевода. Его многоаспектность, включающая личность автора, его принадлежность к определенной литературной эпохе, изобилие лексических и грамматических языковых средств, сочетание литературного и разговорного стилей делают перевод данного типа текста необычайно сложным. Все эти особенности относятся и к содержащимся в художественном произведении номинациям лица. Определение закономерностей их перевода невозможно без четкого осознания главной задачи перевода литературы: реконструкции языковой формы для сохранения стилистического и эстетического воздействия на читателя²⁰.

Художественная литература отличается своей образностью, смысловой емкостью, проявляющейся в формах «реалистической типизации»,

¹⁹ История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Маркина, Н. С. Павловой. М. : РГГУ, 2014. — С. 777.

²⁰ Reiß, K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. — München : Hueber, 1971. — S. 69.

национальной, исторической и народной окраской. А.В. Федоров подчеркивает необходимость сохранения художественного образа при переводе данного типа текста и говорит о важности выразительной функции слова, которое выбирается в качестве синонима соответствующему слову в оригинале. В лексической окраске слова в оригинале может содержаться многое: авторская ирония, ирония персонажа к самому себе, другому лицу, исторический и национальный колорит²¹.

1.5. ТИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

В одной из своих работ, посвященных переводу, В.Н. Комиссаров говорит о понятии переводческой эквивалентности²² – близости текста оригинала и перевода по смыслу, достигаемой переводчиком – и выделяет пять ее типов. Первые три относятся к передачи функционально-ситуативных признаков:

Первый тип основывается на сохранении коммуникационного эффекта высказывания. Это может быть выбор «стереотипных фраз» переводящего языка с целью сохранения экспрессивного эффекта, некоторые изменения в смысловой структуре ради сохранения поэтического воздействия (воссоздание рифмы оригинала в ПЯ), нахождение фразеологизмов, схожих с оригинальными по функционированию.

Ко второму типу переводческой эквивалентности причисляются все случаи, в которых центральное место занимает описываемая ситуация. Здесь также зачастую меняется синтаксическая структура, и выбираются те языковые средства ПЯ, которые соответствуют «предпочтительным способам описания определенных ситуаций».²³

Третий тип характеризуется сохранением формально-логических взаимосвязей, использованием общих для ИЯ и ПЯ понятий, содержательных

²¹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Высш. шк., 1983. — С. 244–249.

²² Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М. : Высш. шк., 1990. — С. 51.

²³ Там же. С. 58.

категорий. При этом допускается ряд семантических варьирований, обусловленных наличием общих сем в оригинале и переводе. К таким варьированиям относятся: «1) степень детализации описания; 2) способ объединения описываемых признаков в сообщении; 3) направление отношений между признаками; 4) распределение отдельных признаков в сообщении».

В следующих двух типах эквивалентности затрагиваются вопросы передачи семантики языковых единиц, что особенно актуально в рамках нашего исследования. Ведущей проблемой становится не только цель коммуникации, описание ситуации, но и выбор таких лексических единиц ПЯ, которые максимально приближены к значениям соответствующих единиц в оригинале.

Итак, четвертый тип отличается воспроизведением большей части значений синтаксических структур, значительным, но неполным параллелизмом лексического оригинала и перевода. Одновременно с этим возможны некоторые варьирования: использование синонимичных структур, аналогичных структур с изменением порядка слов и аналогичных структур с изменением типа связи.

В последнем, пятом типе достигается максимальная близость двух текстов по содержанию, максимально возможная общность сем в параллельных языковых единицах (на предметно-логическом, коннотативном и внутрилингвистическом уровне). Эквивалентность данного типа предполагает также сохранение стилистики оригинала, коннотативного значения у параллельных слов оригинала и перевода.

Стремление переводчика максимально близко передать содержание оригинала приводит к тому, что эквивалентными в итоге становятся не только тексты, но и отдельные единицы ИЯ и ПЯ. Таким образом, если одна

и та же единица ПЯ регулярно используется для передачи определенной единицы ИЯ, речь идет о так называемом «переводческом соответствии»²⁴.

И.С. Алексеева также рассуждает о понятии эквивалентности и обобщает уже существующие концепции, которые основываются не на конкретных синтаксических и лексических аспектах, а на общих тенденциях передачи содержания оригинала на другом языке. Всего исследовательница выделяет семь типов: концепцию формального соответствия (напр. ранние переводы Библии); нормативно-содержательного соответствия (максимальная передача сигнификативного содержания и соблюдение норм языка перевода); культурно-эстетического соответствия; полноценности перевода; динамической эквивалентности (ориентация на коммуникативное воздействие); универсальную модель «скопос» (ориентация на цель перевода) и неогерменевтическую универсальную модель перевода (в центре концепции – проблема понимания).

1.6. ВИДЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Понятие переводческой трансформации не раз толковалось специалистами по переводоведению. Р. К. Миньяр-Белоручев дает ему такое определение: "Трансформация – основа большинства приемов перевода. Заключается в изменении формальных (лексические или грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи"²⁵. Бархударов называет трансформациями операции, при помощи которых на основе одного текста создается другой, который находится при этом в определенных закономерных отношениях с

²⁴ Там же. С. 135.

²⁵ Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. — М. : Московский Лицей, 1996. — С. 201.

первоначальным текстом²⁶. А. Д. Швейцер определяет трансформации как межъязыковые операции «перевыражения»²⁷.

На сегодняшний день существует большое количество классификаций переводческих трансформаций. Мы рассмотрим некоторые из них, а именно классификации В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова и И. С. Алексеевой.

Сравнительная таблица переводческих трансформаций²⁸

Переводческие трансформации	
по В. Н. Комиссарову	по Л.С. Бархударову
1. Транскрибирование	
2. Транслитерация	
3. Калькирование	
4. Лексико-семантические замены: – Конкретизация – Генерализация – Модуляция	1. Замены Лексические замены: – Конкретизация – Генерализация – Замена следствия причиной и наоборот
5. Грамматические трансформации: – Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – Грамматические замены: - замены форм слова - замены частей речи - замены членов предложения - замены типа предложения – Членение предложения – Объединение предложений	– замены форм слова – замены частей речи – замены членов предложения – Синтаксические замены в сложном предложении (в том числе объединение и членение предложений) – Антонимический перевод – Компенсация
6. Комплексные лексико-грамматические трансформации: – Антонимический перевод – Экспликация (описательный перевод) – Компенсация	

²⁶ Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М. : «Международные отношения», 1975. — С. 6.

²⁷ Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М. : Наука, 1988. — С. 118.

²⁸ Кулемина К. В. Основные виды переводческих трансформаций // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2007. — №5 (40). — С. 145.

7. Технические приемы перевода – Перемещение – Добавление – Опускание	2. Перестановки
	3. Добавления
	4. Опускания

Классификация трансформаций по И. С. Алексеевой²⁹:

1. Перестановки

2. Замены

- форм слова
- частей речи
- членов предложения
- синтаксические замены в сложном предложении
- лексические замены

3. Добавления

4. Опускания

5. Антонимический перевод

6. Компенсация

7. Описательный перевод

В своей классификации И. С. Алексеева говорит о перестановке, замене, добавлении и опускании как о четырех элементарных типах переводческих трансформаций. Остальные вышеупомянутые типы (антонимический перевод, компенсация, описательный перевод) исследовательница называет особыми видами трансформации.

Помимо переводческих трансформаций И. С. Алексеева рассматривает также понятие межъязыковой интерференции, под которым подразумевает проецирование специфических черт исходного языка на язык перевода. В

²⁹ Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. — 4-е изд., стер. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2010. — С. 166–177.

результате происходит нарушение норм последнего на всех языковых уровнях, что препятствует достижению эквивалентности текстов³⁰.

Основываясь на данных, представленных в рассмотренных выше классификациях, следует отметить, что исследователи по-разному оценивают важность тех или иных трансформаций. Но, тем не менее, между ними есть много схожих черт, таких как различные виды трансформаций с заменой, перемещение/перестановки, опущение, добавление, антонимический перевод и компенсация.

³⁰ Там же. С. 178.

Вывод

На основании вышеизложенной теории можно сделать следующие выводы, необходимые для выполнения практической части нашей работы:

1. Номинацией называют как сам процесс наименования, так и его результат;
2. Процесс номинации включает в себя три единства: денотативное (явление/объект), сигнификативное (концепт объекта/явления) и экспонентное (имя объекта/явления);
3. С течением времени лексические единицы могут приобретать вторичные значения, как на языковом, так и на речевом уровне. Этот процесс неразрывно связан с ассоциативным мышлением человека и зачастую приводит к возникновению метафор, метонимий, олицетворений;
4. Подвидом речевых номинаций являются оценочные номинации, в которых главную роль играет субъективное видение интерпретатора. Под оценочными номинациями мы будем понимать те номинации, которые содержат в себе субъективный компонент оценки главного героя романа;
5. Если денотат повторно именуется в том же контексте, то речь идет о повторной номинации. Они делятся на идентичные и вариативные, однофокусные и многофокусные, дистантные и сопряженные и т.д. Помимо заместительной функции повторные номинации способны также выполнять строевую и стилистическую функции;
6. Одна из особенностей создания образа главного героя в исследуемом романе — использование автором зооморфных метафор;
7. При переводе художественной литературы важно сохранить оригинальную выразительность слова, поскольку в его лексической окраске зачастую заключены дополнительные стилистические значения;

8. Для систематизации процесса перевода используются такие понятия как эквивалентность (близость переводного и оригинального текстов) и переводческие трансформации. Существует большое количество классификаций переводческих трансформаций, в основе которых, однако, лежат одинаковые преобразования.

ГЛАВА II

2.1. ТИПЫ АНАЛИЗИРУЕМЫХ НОМИНАЦИЙ

Методом сплошной выборки и последующего анализа отобранного материала нам удалось установить примерное соотношение следующих трех категорий номинаций: имен собственных, имен нарицательных и местоимений.

Имена собственные, имена нарицательные и местоимения в качестве номинаций главного героя романа

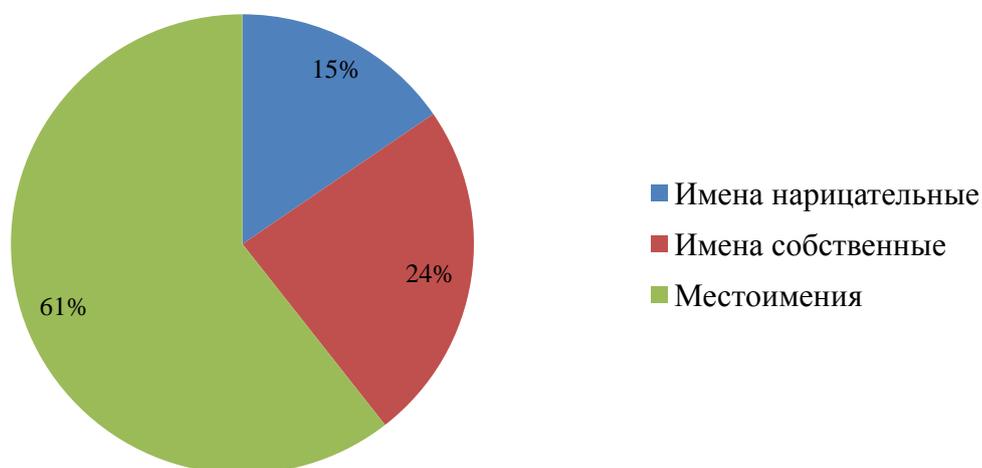

Рис. 3

Большая часть номинаций (61%), как и ожидалось, относится к категории местоимений. Это связано с тем фактом, что местоимения зачастую выступают в заместительной функции, ссылаясь на упомянутую ранее автономную номинацию лица. Незначительную долю от всех местоимений составляют помимо преобладающих личных местоимений также указательные и неопределенные местоимения (менее 1%).

Следующая категория (номинации в виде имен собственных) находится на второй позиции (24%). Сюда входят все вариантные формы имени главного героя: полное личное имя (*Jean-Baptiste Grenouille*), только имя (*Jean-Baptiste*), только фамилия (*Grenouille*). Последняя форма в романе

— самая частотная и вместе с личными местоимениями участвует в построении описания. Например, в начале второй части романа Гренуй покидает Бальдини и отправляется в город Грас. Этот эпизод характеризуется тем, что герой находится наедине с собой, автором и читателем, не имея контакта с остальными персонажами произведения. В соответствии с этим выстраивается номинативная цепочка, состоящая в основном из имен собственных и местоимений, призванных обозначить героя, его действия, но не его взаимодействие с другими персонажами. Исключением в этой главе становится внутренний монолог героя с самим собой, в ходе которого создается несколько оценочных номинаций, а также номинативная оценка автора, выраженная, в частности, метафорой *Zeck*, речь о которой пойдет в следующем разделе.

И последняя группа (15%) представлена именами нарицательными. Это, пожалуй, самые разнообразные по формам номинации, которые включают в себя не только характеристику героя по его основным признакам (пол, возраст, профессия), но и особые виды вторичных номинаций: метафоричные и оценочные.

В ходе анализа выделенных номинаций были сделаны следующие наблюдения:

1. Большое количество номинаций имеет в русском языке общепринятые соответствия (*das Kind; der junge Mann, der Mörder*), при этом придание особой стилистической окраски не является затруднительным (ср. ребенок – дитя; молодой человек – юноша);
2. Структура номинаций в большинстве случаев сохранена, или видоизменена по известным правилам трансформации, и не нуждается в дополнительном рассмотрении;
3. Использование автором зоонимичной образности как способа характеристики главного героя;

4. Большая доля номинаций, содержащих субъективную оценку;
5. Наличие у некоторых повторных номинаций вторичных функций: строевой и стилистической.

В связи с этим нами было принято решение подробнее рассмотреть те типы номинаций, перевод которых может вызвать определенные трудности для переводчика. К таковым, как выяснилось, относятся метафоричные и оценочные номинации, а также некоторые виды лексико-грамматических конструкций, для перевода которых потребовался ряд переводческих трансформаций.

2.2. МЕТАФОРИЧНЫЕ НОМИНАЦИИ

«*Sie waren ein Tier, und ich habe einen Menschen aus Ihnen gemacht*» — скажет маркиз де ла Тайад-Эспинасс Греную, после того, как преобразит его с помощью платья и гигиенических процедур в «нормального человека». Эта фраза отражает один из лейтмотивов произведения — акцентирование на бесчеловечности главного героя посредством сравнения его с хладнокровными представителями животного мира (пауком, змеей, клещом и т. д.). В этом разделе мы рассмотрим лишь некоторые метафоричные номинации, которые наиболее наглядно демонстрируют особенности, которые необходимо учитывать при переводе подобных наименований на другой язык.

В ходе исследования оригинального текста романа была выделена особая группа номинаций, сходных по своему возникновению и последующему функционированию. В их основе лежит предшествующее по развитию действия сравнение главного героя с различными представителями животного мира:

«*Er war zäh wie ein resistentes Bakterium und genügsam wie ein Zeck, der still auf einem Baum sitzt und von einem winzigen Blutströpfchen lebt, das er vor*

Jahren erbeutet hat». В данном предложении имя нарицательное *Zeck* впервые связывается с личностью главного героя, выступая в указанном сравнении в качестве образного элемента. Позднее автором используется прием развернутого сравнения, также с зоонимом *Zeck*:

«Oder *wie jener Zeck* auf dem Baum, dem doch das Leben nichts anderes zu bieten hat als ein immerwährendes überwintern. *Der kleine hässliche Zeck*, der seinen bleigrauen Körper zur Kugel formt, um der Außenwelt die geringstmögliche Fläche zu bieten; der seine Haut glatt und derb macht, um nichts zu verströmen, kein bisschen von sich hinauszutranspirieren. *Der Zeck*, der sich extra klein und unansehnlich macht, damit niemand ihn sehe und zertrete. *Der einsame Zeck*, der in sich versammelt auf seinem Baume hockt, blind, taub und stumm, und nur wittert, jahrelang wittert, meilenweit, das Blut vorüberwandernder Tiere, die er aus eigener Kraft niemals erreichen wird. *Der Zeck* könnte sich fallen lassen. *Er* könnte sich auf den Boden des Waldes fallen lassen, mit seinen sechs winzigen Beinchen ein paar Millimeter dahin und dorthin kriechen und sich unters Laub

«Или *как клещ на дереве*, коему жизнь тоже не предлагает ничего иного, кроме перманентной зимовки. *Маленький уродливый клещ* скручивает свое свинцово-серое тело в шарик, дабы обратить к внешнему миру минимальную поверхность; он делает свою кожу гладкой и плотной, чтобы не испускать наружу ничего — ни малейшего излучения, ни легчайшего испарения. *Клещ* специально делает себя маленьким и неприметным, чтобы никто не заметил и не растоптал его. *Одинокий клещ*, сосредоточившись в себе, сидит на своем дереве, слепой, глухой и немой, и только вынюхивает, годами вынюхивает на расстоянии нескольких миль кровь проходящих мимо живых, которых он никогда не догонит. *Клещ* мог бы позволить себе упасть. *Он* мог бы позволить себе упасть на землю леса, проползти на

zum Sterben legen, es wäre nicht schade um ihn, weiß Gott nicht. Aber *der Zeck*, bockig, stur und eklig, bleibt hocken und lebt und wartet. Wartet, bis ihm der höchst unwahrscheinliche Zufall das Blut in Gestalt eines Tieres direkt unter den Baum treibt. Und dann erst gibt er seine Zurückhaltung auf, lässt sich fallen und krallt und bohrt und beisst sich in das fremde Fleisch...

So ein Zeck war das Kind Grenouille». своих крошечных ножках несколько миллиметров туда и сюда и зарыться в сухую листву — умирать, и никто бы о нем не пожалел, Богу известно, что никто. Но *клевц*, упрямый, упорный и мерзкий, притаился, и живет, и ждет. Ждет, пока в высшей степени невероятный случай подгонит прямо к нему под дерево кровь в виде какого-нибудь животного. И только тогда он отрешается от своей скрытности, срывается, и вцепляется, и ввинчивается, впивается в чужую плоть.

Таким клещом был маленький Гренуй».

Результатом становится однозначное закрепление за персонажем нового понятия, которое в последующем используется уже автономно. Например, в сцене, когда Гренуй, впервые попадая в лавку Бальдини, решает заявить о своих невероятных способностях и во что бы то ни стало остаться у парфюмера в качестве ученика: «*Der Zeck hatte Blut gewittert*». Происходит метафоризация, тематический элемент, образ Жана-Батиста Гренуя, переходит в имплицитное состояние. А это значит, что с развитием действия фигура совмещения (сравнение) трансформируется в фигуру замещения (метафору). В основе функционирования обоих тропов лежит наличие общего признака (т.н. *tertium comparationis*) у обозначаемого предмета (Жана-Батиста Гренуя) и у обозначающего образа (в данном случае — *Zeck*).

Это обуславливает переход сравнений в полноценные метафоры, которые способны самостоятельно функционировать в тексте произведения.

Существительное *Zeck* встречается также в качестве приложения, где в свою очередь выступает в роли эпитета, выразительного элемента при главном номинативном компоненте:

(1) «*Der Zeck Grenouille*, vor die Wahl gestellt, in sich selbst zu vertrocknen oder sich fallenzulassen, entschied sich für das zweite, wohl wissend, dass dieser Fall sein letzter sein würde».

(2) «*Grenouille, der Zeck*, war empfindlich geworden wie ein Krebs, der sein Muschelgehäuse verlassen hat und nackt durchs Meer wandert».

В любом из этих случаев читателю не требуется дополнительного пояснения. Образность в указанных номинациях ясна благодаря анафорической связи с предшествующим развернутым сравнением Гренуя с клещом.

Функционал метафорических номинаций, как и всех номинаций, созданных на основе тропов, отличается от других типов обозначений. Полностью сохраняется функция сообщения вещественной информации, но она при этом перестает иметь ведущее значение. На первый план выходит информация оценочная. Об этом явлении в своей «модели органа» говорил еще К. Бюлер³¹. Исследователь выделил три основных функции языкового знака: репрезентативную, экспрессивную и апеллятивную. Несмотря на то, что первая из перечисленных функций в системе знаков человеческого языка традиционно считается доминирующей, две остальные, экспрессивная и апеллятивная, остаются неизменными переменными. Каждая из данных функций при определенных условиях может стать основной.

³¹ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М. : Прогресс, 1993. — с.36–38.

Возникновение метафоричной номинации *Kröte* аналогичным образом строится на анафорической связи с предшествующими упоминаниями этой лексической единицы в тексте романа.

Обратимся к первому случаю, а именно, к тому моменту, когда кормилица приносит младенца Гренуя обратно в монастырь и пытается передать его отцу Террье.

(1) « [...] sie [...] warf einen so angeekelten Blick auf den Henkelkorb zu ihren Füßen, als enthielte er Kröten [...] »	« [...] она [...] с таким отвращением поглядела на корзину у своих ног, словно там сидела жаба [...] ».
--	---

Итак, мы видим, как сравнительное придаточное предложение указывает на характер отношения кормилицы к находящемуся в корзине ребенку. В сравнении не только проявляется отрицательная оценка по отношению к главному герою произведения, но и ситуативно сообщается негативная коннотация нарицательному *Kröte*. Знаменательно то, что первое и последующие сопоставления данного существительного с персонажем романа передаются переводчиком разными языковыми единицами русского языка. Как мы видели выше, в первом случае выбрано соответствие «жаба», несущее исключительно отрицательную оценку. В дальнейшем же отдается предпочтение варианту «лягушонок», что, по нашему мнению, несколько искажает оттеночное значение, которое присуще номинации в языке оригинала:

(2) «Grenouille, der sich während seiner längeren eruptiven Zwischenrede beinahe Körperlich entfaltet, in der	«Гренуй, который во время неожиданной вспышки собственного красноречия почти распрямился физически
---	--

Erregung sogar für einen Moment mit beiden Armen im Kreis gefuchelt hatte, um das «alles, alles», was er kenne, zu umschreiben, klappte bei Baldinis Entgegnung augenblicks wieder in sich zusammen *wie eine kleine schwarze Kröte* und verharrte auf der Türschwelle, bewegungslos lauernd».

и в возбуждении даже в какой-то момент замахал руками, описывая в воздухе круги, чтобы показать, как он знает «все, все», услышав отповедь Бальдини, мгновенно сник, обернулся *маленьким черным лягушонком* и неподвижно застыл на пороге, скрывая нетерпение».

Из сравнения впоследствии также возникает метафоричная номинация. При этом она сохраняет образность второго варианта перевода:

(3) “Könntest du sie mir vielleicht ungefähr verraten?“ sagte Baldini und beugte sich ein wenig vor, um *die Kröte* in der Tür genauer zu sehen, «nur so in etwa, schätzungsweise?

«„Может быть, ты скажешь ее мне хотя бы приблизительно?“ — сказал Бальдини и слегка наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть притаившегося в дверях *лягушонка*. — Хотя бы примерно в общем виде?»

Итак, рассмотрим, чем мог быть обусловлен выбор переводчиком лексемы «лягушонок». Чтобы это сделать, вернемся к примеру, содержащему сравнение (2). Для начала обратим внимание на уменьшительную форму слова. Ее появление в переводе может быть связано с наличием в оригинале атрибута *kleine* перед существительным. В такой позиции прилагательное

kleine в некоторых случаях выступает аналогом производных суффиксальных форм с семантикой уменьшения в русском языке:

«Стоит ей только *маленькую подушечку* положить рядом со своей, *Kissen* neben ihr großes zu legen und большой, и отвести уголок одеяла...» *die Decke ein Stück anzuheben*».

Л. Улицкая. *Искренне ваш Шурик*³²

«И даже в *маленький домик* под чужим солнцем, как все остальные Старшие, он не верил». «Selbst an *das kleine Haus* unter einer fremden Sonne glaubte er nicht mehr, im Unterschied zu allen anderen Senioren».

С. Лукьяненко. *Мальчик и Тьма*³³

Кроме того, уменьшительная форма позволяет изменить женский род существительного «лягушка» на мужской («лягушонок»). Благодаря этому ассоциация метафоричного наименования с главным героем произведения приобретает более ясный характер.

Теперь же обратим внимание на выбранную лексическую единицу «лягушка» и постараемся объяснить, почему переводчик остановился именно на ней, а не на принятом для *Kröte* соответствии «жаба» в русском. В двуязычном словаре А. А. Лепинга и Н. П. Страховой приводятся следующие значения для слова *Kröte*: 1) жаба; sie ist eine giftige ~ разг. она ведьма [злюка]; 2) крошка (о ребенке)³⁴. Очевидно, что в оригинале лексическая единица не могла быть употреблена во втором значении, поскольку цель автора состояла в том, чтобы придать образу Гренуя животные,

³² АBBYY Lingvo Live. URL: <https://www.lingvolive.com/>.

³³ Там же.

³⁴ Немецко-русский словарь: 80 000 слов / Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. — 7-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1976. — с. 528.

нечеловеческие черты. Возможно, причиной выбора лексической единицы «лягушонок» стало отсутствие широкоупотребительной уменьшительной формы «жабенок». И поскольку была выбрана модель перевода, при которой немецкое сочетание прилагательного *klein* и существительного в русском языке передается диминутивом (*klein* + Substantiv → Deminutiv), вариант «лягушонок» в рамках модели стал наиболее релевантным. Интересно также, что фамилия главного героя *Grenouille* с французского переводится как «лягушка», что также могло повлиять на выбор соответствующей лексической единицы.

Теперь перейдем к анализу релевантности перевода на русский язык. В сцене, где используется анализируемое сравнение (*wie eine kleine schwarze Kröte*), переходящее впоследствии в образную номинацию, Гренуй вынашивает замысел остаться у Бальдини и стать его учеником. Причем в тексте непосредственно указывается, что все его действия на пути к цели были обусловлены именно дерзостью, а не безобидными помыслами:

«Baldini stutzte ein wenig, hielt	«Бальдини	несколько
aber in seiner Ahnungslosigkeit das	опешил, но, ни о чем не	
Verhalten des Jungen nicht für Chuzpe,	подозревая, усмотрел в поведении	
sondern für Schüchternheit».	мальчика не дерзость, а робость».	

Прилагательное *kleine* в сравнении используется для того, чтобы придать Греную еще большее сходство с животным, лишить его образ человеческих черт. Прилагательное *schwarz* – для того, чтобы подчеркнуть его эгоистичные помыслы.

Чтобы проанализировать выбор аналога для существительного *Kröte*, необходимо, во-первых, затронуть этимологический аспект, а именно детально рассмотреть два концепта: концепт *Kröte* и концепт «лягушка» в западноевропейской и русской культурах. Это необходимо для того, чтобы

выяснить, совпадают ли параллельные номинации в исходном языке и переводящем языке по своему смысловому наполнению.

Чтобы получить общее представление об образах жабы и лягушки, можно обратиться к нескольким типам источников. Во-первых, это фольклор, представляющий собой историческую основу любой культуры. Ее отчетливые следы мы можем найти в народных поверьях, сказаниях, а также, что нам представляется особенно интересным, — в современных фразеологизмах, пословицах и поговорках. Во-вторых, это искусство. Зачастую в нем прослеживаются явные отклики фольклорных или мифологических традиций, где рассматриваемые нами образы предстают в качестве символических элементов композиции.

Для начала, обратимся к исторической символике. В Средние века жаба становится одним из важнейших колдовских атрибутов. Обычные люди, а также те, кто называли себя ведьмами, верили в магическую силу жаб, засушивали их, изготавливали из этих животного зелья и порошки. Считалось, что если в доме поселилась жаба, то это свидетельствует о наличии в нем нечистой силы³⁵. Хуан-Антонио Льоренте в своей книге «Критическая история испанской инквизиции» приводит сведения, доказывающую большую роль жабы для магических обрядов колдунов:

«Мужчина или женщина, пригласив кого-нибудь стать колдуном, приводит его на первое собрание. Дьявол <...> ставит печать золотой монетой на зрачке левого глаза, не причиняя никакой боли, в виде микроскопической фигуры жабы, которая служит всем колдунам знаком для узнавания...»³⁶

³⁵ Burns, W. E. Witch Hunts in Europe and America: An Encyclopedia. — Westport : Greenwood Press, 2003. — С. 7.

³⁶ Цит. по: Райгородский, Л. Д. О некоторых символах картин Иеронима Босха // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15: искусствоведение. — 2012. — Т. 6, вып. 2. — С. 186–187.

Ту же символику несет в себе образ жабы и в произведениях искусства. Л.Д. Райгородский, изучая символы в творчестве Иеронима Босха (нидерландский художник, живший в XV-XVI веках), отмечает, что одним из его излюбленных композиционных элементов становится жаба. На картинах художника она также символизирует дьявольскую сущность. Например, на одном из фрагментов алтаря «Сад земных наслаждений», показывающего мир похоти и ее удовлетворения, жаба изображена на груди женщины, обнимаемой чудовищем.³⁷

Рис. 2.
И. Босх. Сад земных наслаждений. Фрагмент

Лягушка, наоборот, не фигурирует в контексте греха. И согласно теологическим писаниям причисляется в основном к безобидным животным в отличие от жабы³⁸.

Если же обратиться к современным ассоциациям, то образ лягушки связывается многими с народными сказками, такими как «Царевна-лягушка» в русской культуре и *Froschkönig* в немецкой. Здесь животное становится символом перевоплощения, и в основном наделяется положительными качествами, поскольку оказывается, что за сказочным образом лягушки на самом деле скрывается сильная и добрая личность. Благодаря сказкам существительное «лягушка» стала составной частью некоторых устойчивых сочетаний в русском языке, например, «лягушка-квакушка» (народная сказка «Теремок»), «лягушка-путешественница» (одноименная сказка Всеволода Гаршина). Что же касается «жабы», то следует привести некоторые русские

³⁷ Райгородский, Л. Д. О некоторых символах картин Иеронима Босха // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15: искусствоведение. — 2012. — Т. 6, вып. 2. — С. 187–188.

³⁸ Failing, J. Frosch und Kröte als Symbolgestalten in der kirchlichen Kunst. Dissertation. Bd. I. — Justus-Liebig-Universität Gießen. — Gießen, 2002. — S 265.

фразеологизмы: *баба, что жаба; будто жаба на луну квохчет; надуться, как жаба; лежать на сердце, как жаба на камне; таращиться, как жаба из болота.*

Таким образом, можно сделать вывод, что существительное «лягушка» несет в себе ряд положительных коннотаций, сообщенных ему фольклорными и литературными особенностями русской культуры. Кроме того, негативность снижается из-за использования существительного «лягушка» в уменьшительно-ласкательной форме («лягушонок»). Но даже при отсутствии этой формы в силу словообразовательных особенностей в слово «лягушка» может быть заложено меньше отрицательной коннотации, чем в слово «жаба». Изначально существительное являлось производным от глагола «лягать» (ср.: среднерусский диалект — «ляга»). С развитием языка слово подверглось трансформации, получив в итоге свой современный облик, содержащий ассимилировавшуюся с корнем уменьшительно-ласкательную морфему -к-. Но несмотря на эту ассимиляцию существительное сохранило в себе значение чего-то небольшого и безобидного.

Из всего этого можно заключить, что перевод возникшей на основе сравнения номинации (пример 3), «лягушонок», не является точным, так как он не отражает ту негативную гамму, которая присутствует в оригинале.

Итак, метод поэтапного анализа, а именно сопоставление всех зооморфных лексических единиц, используемых по отношению к главному герою, позволяет проследить закономерности образования номинативной единицы, а также выявить важные факторы, которые должны учитываться при ее переводе на другие языки.

2.3. ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ

К особому виду номинаций относятся также номинации, содержащие в себе оценку главного героя. Как было сказано в разделе 1.2. для оценки важна субъективная составляющая — интерпретатор.

Система оценочных номинаций главного героя в романе выстраивается на нескольких уровнях:

1. на уровне второстепенных персонажей;
2. на уровне главного героя;
3. на уровне автора-нарратора.

То есть, в произведении можно выделить сразу три вида интерпретаторов, каждый из которых будет использовать индивидуальный набор лексических, грамматических и стилистических средств.

Для начала обратимся к первому пункту, представленным самым большим количеством примеров. В качестве субъекта оценки в данном случае выступают отдельные персонажи, либо группы людей, с которыми контактирует Гренуй. Палитра номинаций, возникающая при художественном взаимодействии данного вида необычайно разнообразна. Герои высказывают не только положительные («*seinen kostbaren Lehrling*») и отрицательные оценки («*der Teufel*»), но и более нейтральные суждения о качествах главного героя («*der kleine Mann im blauen Rock*»).

Интересным представляется использование существительного *das Ding*, неоднократно появляющееся при описании Гренуя разными персонажами для выражения оценки по отношению к нему. Поскольку данная лексическая единица отличается необычайной абстрактностью и контекстуальной зависимостью, ее значение может заметно варьироваться в том или ином окружении. Поскольку в романе она используется в качестве номинации лица, то возникает очевидное противоречие в одной из грамматических категорий, присущей обоим языкам — как немецкому, так и русскому — в категории одушевленности/неодушевленности. Обозначение

человека неодушевленным существительным в контексте литературного произведения несет особую выразительную функцию, в случае данного романа — сообщает о негативном отношении к протагонисту.

Что же касается соответствий номинации в русском переводе, то авторская сема неодушевленности не всегда получает отражение во вторичном тексте:

1	мать Гренуя	das neugeborene Ding	новорожденное создание
2		das Ding	ублюдка
3	отец Террье	das Ding	от этого младенца и от этого дела
4		das Ding	создание
5	Антуан Риши	das Ding	гадина

Первая номинация встречается в сцене появления Гренуя на свет. Для его матери это уже пятая беременность, и она хочет покончить с ней так, как и со всеми остальными — родить ребенка, а затем выбросить его вместе с рыбными помоями. Текст сообщает читателю о том, что ребенок для этой женщины ничего не значит, и это еще раз утверждается в рассматриваемом нами примере: « [...] sie [...] *nabelte mit dem Fischmesser das neugeborene Ding ab* [...] ».

Выбор номинации «новорожденное создание» смещает акцент с отношения матери на самого ребенка («и отрезала новорожденное создание от пуповины рыбным ножом»), лишает его предметного образа и наделяет

человеческими качествами. Это нарушает образную эквивалентность текстов.

Во второй раз слово *das Ding* мать Гренуя использует в своих показаниях:

«Und weil sie geständig ist und ohne weiteres zugibt, dass sie *das Ding* bestimmt würde haben verrecken lassen, wie sie es im übrigen schon mit vier anderen getan habe [...]».

«И так как она ничего не отрицает и без лишних слов признает, что собиралась бросить *ублюдка* подышать с голоду, как она, впрочем, проделывала уже четыре раза [...]».

Здесь, несмотря на выбор одушевленного существительного, сохранена негативная коннотация и верно передана эмотивная прагматическая установка.

Перевод третьей номинации отличается своей видоизмененной структурой, возникающей вследствие таких трансформаций как лексическая замена и добавление:

«Er wollte *das Ding* lohaben, möglichst schnell, möglichst gleich, möglichst sofort».

«Он хотел избавиться *от этого младенца и от этого дела* как можно быстрее, сейчас, немедленно».

Нужно сказать, что контекстуальное окружение существительного «младенец», а также интенсификация негативности посредством употребления указательного местоимения «этот», делает номинацию довольно близко приближенной к оригинальному *das Ding*. Сочетание «от этого дела» выступает скорее в качестве добавления. Оно не искажает смысл,

но и не сообщает дополнительных значений, важных для правильной интерпретации оригинальной номинации.

Проблема перевода четвертой номинации заключается в том, что эмоционально окрашенное слово «гадина» часто употребляется в речи, когда говорящий желает выразить свою обиду. Для выражения высокой степени ненависти больше подходят лексические единицы с более развитой эмоциональностью. В качестве варианта перевода можно было бы предложить слово «тварь».

Если рассмотренная выше номинация используется разными персонажами, то есть и такие, которые присущи только одному лицу. Например, *der Bastard* — номинация, использовавшаяся исключительно кормилицей главного героя Жанной Бюсси. При передаче на русский язык перевод языковой единицы остается однородным: «ублюдок». Выбор данной номинации можно назвать стилистически верным. В 18 веке слово вполне могло быть использовано как бранное. Кроме того, при переводе этой номинации существовала опасность выбрать эквивалентом существительное «бастард». Это слово в современном русском языке выступает в качестве исторического термина, означающего внебрачного сына знатной особы, и не используется в качестве ругательства. В русском языке слово «ублюдок» отличается такой же сильной эмоциональностью, как и номинация в оригинале. То есть, можно говорить о том, что переводчиком была осуществлена стилистическая трансформация — «преобразование стиля текста при передаче стилистического значения с целью воссоздать в переводе тот же эффект, т.е. вызвать у читателя аналогичную реакцию³⁹».

Уже по одним только номинациям, которые выстраивает парфюмер Бальдини, легко догадаться о его отношении к объекту номинации. Издевка, злость, притворство — все эти грани отношения учителя к своему ученику выражены в спектре используемых номинаций:

³⁹ Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М. : Флинта: Наука, 2003. — С. 213.

«Tritt näher, *beste Nase von Paris!*» «Подойди-ка сюда, ты, *лучший нос Парижа!*»

«*ein Betrüger*, der sich auf irgendeine Weise das Rezept von Baldini ergaunert hatte, um sich bei Zutritt und Anstellung zu verschaffen» «*мошенник*, который каким-то образом выманил рецепт у Пелисье, чтобы втереться в доверие и получить место у Бальдини»

«*der Narr*»

«*этот дурак*»

«Aber er könne eben seine Gutmütigkeit so wenig verleugnen wie die tiefe Sympathie, die sich im Lauf der Jahre in seinem Herzen für *den guten Jean-Baptiste* angesammelt habe» «Но, он Бальдини, не в силах справиться со своей добротой и с той глубокой симпатией, которая за эти годы накопилась в его сердце к *славному Жан-Батисту*».

Для перечисленных номинаций были легко найдены вариантные соответствия в русском языке, с точностью воспроизводящие сходное коммуникативное воздействие на читателя.

Второй уровень функционирования оценочных номинаций характеризуется отношением автора к своему же персонажу. Прежде чем перейти к оценочным номинациям, пожалуй, следует сказать об общей тенденции авторских номинаций в произведении, а именно об объективности. Уже в начале произведения автор называет главного героя гением и отвратительной фигурой, не делая перевес ни в одну из сторон. Последующие авторские номинации выполняют в основном указательную

функцию. Для этого используются номинации, указывающие на возрастную, профессиональную или социальную характеристику, или же личное имя персонажа.

На этом уровне встречаются номинации, которые используются автором в качестве иронии:

«Und als *der liebe Jean-Baptiste*, endlich heimgekehrt in sein [...]».

«И когда *наш дорогой Жан-Батист*, возвратившись наконец [...]».

«Aber ruhig, *Jean-Baptiste!* Ruhig, *Lieber!* Man kommt ja, man bringt, was du begehrst. Schon fliegen die Diener herbei. Sie tragen auf unsichtbarem Tablett das Buch der Gerüche [...]».

«Ну что ты, *Жан-Батист!* Успокойся, *дорогой!* Они же придут, они принесут то, чего ты так жаждешь. Вон они, слуги, летят на всех арах, держа на невидимом подносе эту книгу запахов».

Таким необычным образом выстраивается вертикальная ось литературной коммуникации, связывающая читателя и самого автора. Авторское присутствие еще раз подчеркивает статус «зрителя» у читателя, который наблюдает за действием и вслед за рассказчиком получает право судить о происходящем.

Последний, третий, уровень оценочных номинаций составляют единицы, раскрывающие отношение протагониста к самому себе. Впервые подобная номинация возникает, когда Гренуй ведет свою уединенную пещерную жизнь. В обонятельных фантазиях он создает параллельную реальность, от чего приходит в восторг от самого себя:

«Er stand auf, *der große innere Grenouille*, wie ein Riese stellte er sich hin, in seiner ganzen Pracht und Größe [...]».

«Он вставал, *великий внутренний Гренуй*, он воздвигался как великан [...]».

«Von *ihm, dem einzigartigen Grenouille* erschaffen und beherrscht, von ihm verwüstet, wann es ihm gefiel, und wieder aufgerichtet [...]».

«Созданная и покоренная *им, бесподобным Гренуем*, опустошенная, разрушенная и вновь возведенная [...]».

«Hier galt nichts als sein Wille, der Wille *des großen, herrlichen, einzigartigen Grenouille*».

«Здесь не имело значения ничего, кроме его воли, воли *великого, великолепного, бесподобного Гренуя*».

Степень восхищения Гренуя самим собой можно проследить в синтаксических структурах номинаций: использование нескольких однородных атрибутов перед именем собственным или уточняющего приложения.

В конечном счете, Гренуй даже присваивает себе два титула:

«Das Doppelamt *des Rächers und Weltenerzeugers* strengte nicht schlecht an, und sich danach von der eigenen Brut stundenlang feiern zu lassen, war auch nicht die reinste Erholung».

«Двойной сан — *Мстителя Производителя миров* — изрядно утомлял, и выдерживать потом часами восторги собственных созданий тоже было слегка обременительно».

Номинацией *Weltenerzeuger* обыгрывается сравнение Гренуя с божественным образом создателя, которое неоднократно упоминается в произведении и, несомненно, относится к его важнейшим лейтмотивам.

Поэтому правомерно сказать, что перевод «производитель миров» не является удачным. Он не вызывает ассоциаций с упомянутым лейтмотивом, а также придает словосочетанию недопустимую современную стилистику, поскольку существительное «производитель» в современном языке неразрывно связано с индустриальным производством продукции. В качестве возможных вариантов можно предложить сочетания «создатель миров», «творец миров».

Опираясь на проанализированные примеры номинаций, можно сделать следующие выводы:

1. Для номинации главного персонажа характерно использование различных средств номинации на разных уровнях литературной коммуникации;
2. Для перевода оценочных номинаций в той же мере, как и для метафоричных номинаций, важно сохранение коннотативного и стилистического значения;
3. Стилистические или коннотативные нарушения эквивалентности ведут к неверной интерпретации оценочных номинаций русскоязычным читателем;
4. Для верного перевода необходимо в первую очередь опираться на прагматический аспект, учитывать особенности субъекта и объекта оценки.

2.4. ПОВТОРНЫЕ НОМИНАЦИИ

Описывая особенности перевода художественного текста, И. С. Алексеева отмечает, что фонетические, морфемные, лексические, синтаксические и лейтмотивные повторы должны передаваться «с сохранением количества компонентов повтора и самого принципа повтора на данном языковом уровне»⁴⁰. Два из перечисленных вида повтора,

⁴⁰ Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие. — СПб. : Академия, 2004. — С. 323.

синтаксический и лейтмотивный, наглядно представлены в тексте романа повторными номинациями главного героя.

По сравнению с количеством номинаций, представленных фамилией главного персонажа (*Grenouille*) наименее частотным вариантом является использование его полного имени, состоящего из имени, *Jean-Baptiste*, и фамилии *Grenouille* (12 из 379 номинаций-имен собственных). Полное имя главного героя появляется в самом начале произведения с целью сообщить, кто станет центром повествование романа:

«Im achtzehnten Jahrhundert lebte in Frankreich ein Mann, der zu den genialsten und abscheulichsten Gestalten dieser an genialen und abscheulichen Gestalten nicht armen Epoche gehörte. Seine Geschichte soll hier erzählt werden. Er hieß *Jean-Baptiste Grenouille*, [...]» «В восемнадцатом столетии во Франции жил человек, принадлежащий к самым гениальным и самым отвратительным фигурам этой эпохи, столь богатой гениальными и отвратительными фигурами. О нем и пойдет речь. Его звали *Жан-Батист Гренуй*, [...]».

Подобное расположение номинаций по В. Г. Гаку можно рассматривать как нормативное для абсолютного зачина произведения. Сначала используется абстрактное или относительное имя, затем — имя собственное, конкретное. Такой порядок объясняется тем, что читатель изначально ничего не знает об объекте повествования. Он может быть введен в текст только при соотнесении его с системой понятий, которая «входит в пресуппозицию носителей языка»⁴¹. В данном случае это — указание на пол героя («*ein Mann*»), его личностные качества («*genialste und abscheulichste Gestalt*»).

⁴¹ Гак В. Г. Языковые преобразования. – М. : Школа Языка русской культуры, 1998. — С. 587.

Если же рассмотреть дальнейшие примеры имен собственных более подробно, то становится ясно, что некоторые полные имена составляют группу своеобразных маркеров, указывающих на отправные точки действия, сюжетные повороты, приближающуюся развязку и т.д. На синтагматическом уровне эти имена выступают дистантными по отношению друг к другу, на парадигматическом — идентичными.

Именные маркеры выступают признаком повествовательного поля произведения, где ведущее место отведено рассказчику. Называние полного имени задает слогу «сказительный» тон и создает впечатление, что рассказчик является свидетелем тех событий, о которых он повествует. Кроме того, полное личное имя меняет план повествования и плавно смещает акцент на героя произведения. Например, описание «адски» пахнущего Парижа в одночасье оказывается лишь кулисами для рассказа о появлении Гренуя на свет:

«Hier nun, am allerstinkendsten Ort des gesamten Königreichs, wurde am 17. Juli 1738 <i>Jean-Baptiste Grenouille</i> geboren. Es war einer der heißesten Tage des Jahres».	«И вот здесь, в самом вонючем месте всего королевства, 17 июля 1738 года был произведен на свет <i>Жан-Батист Гренуй</i> . Это произошло в один из самых жарких дней года».
--	---

То же самое происходит и в следующей сцене, маркированной полным именем. Грималь, кожевник, на которого главному герою пришлось проработать несколько тяжелых лет, в конце концов, продает своего подмастерья парфюмеру Бальдини. Напившись на полученные деньги, он сваливается в реку и тонет. И буквально в следующих строках фокус повествования перемещается на главного героя:

«Als er den Pont au Change passierte, lautlos, ohne an den Brückenpfeiler anzuecken, ging *Jean-Baptiste Grenouille* zwanzig Meter über ihm gerade zu Bett».

«Когда он проплывал мимо моста Менял, бесшумно, не задевая опоры моста, *Жан-Батист Гренуй* в двадцати метрах над ним как раз ложился спать».

Это происшествие знаменует собой один из важнейших переломов в судьбе Гренуя: он наконец-то получит доступ к парфюмерному знанию.

В последний раз имя в полной форме встречается в момент смерти главного героя. Обезумевшая толпа набрасывается на то, что она принимает за «ангела»:

«In kürzester Zeit war der Engel in dreißig Teile zerlegt, und ein jedes Mitglied der Rotte grapschte sich ein Stück, zog sich, von wollüstiger Gier getrieben, zurück und fraß es auf. Eine halbe Stunde später war *Jean-Baptiste Grenouille* in jeder Faser vom Erdboden verschwunden».

«В кратчайшее время ангел был разделен на тридцать частей, и каждый член этой дикой своры ухватил себе кусок, отбежал в сторону, гонимый похотливой алчностью, и сожрал его. Через полчаса *Жан-Батист Гренуй* до последней косточки исчез с лица земли».

«Божественность» Гренуя (der Engel) переходит в телесное, органическое. Номинацией же отмечен и конец начавшегося «безумия». Имя вновь делает своего обладателя смертным существом. Ознаменовав рождение и смерть, имя исчезает вместе с человеком, которому оно принадлежало. А вместе со смертью человека заканчивается и сам роман, целью которого было поведать читателю необыкновенную историю Жана-Батиста Гренуя.

Во всех четырех описанных случаях в русском переводе также выбрана номинация с помощью полного личного имени. Искажение этой парадигмы повлекло бы за собой нарушение повествовательного тона романа, убрало бы акцент с важных поворотов сюжета, изменило бы общую композицию произведения. Необходимым условием при переводе является сохранение связи экстралингвистических кульминационных событий с лингвистическими элементами, благодаря которым и создается семантико-структурная организация текста.

Тем самым, можно говорить о том, что полное имя в контексте изучаемого произведения выступает лейтмотивным повтором, указывающим как на повествовательный уровень автора, так и на важные моменты в развитии сюжетного действия.

Еще одной цепочкой идентичных повторных номинаций в некоторых случаях выступают местоимения, но не дистантно, как в вышерассмотренном случае, а сопряженно. Будучи синтагматически расположенными непосредственно друг за другом, они принимают в тексте произведения форму повтора и получают особые стилистические функции.

(1) «**Er** hätte alles geschworen. **Er** hätte jede Bedingung Baldinis akzeptiert [...]» «**Он** поклялся бы всем. **Он** принял бы любое условие Бальдини [...]».

(2) «**Er** kaufte sich eine neue und zog dann, den Flusslauf verlassend, landeinwärts. **Er** mied jetzt nicht mehr nur die Städte, er mied auch die Dörfer. **Er** war wie berauscht von der immer stärker ausdünnenden, immer menschenferneren Luft» «**Он** купил себе еще одно кольцо и, покинув русло реки, свернул вглубь страны. **Он** избегал не только городов, он избегал и деревень. **Он** был как пьяный от все более прозрачного, все более далекого от людей воздуха».

Как видно из примеров, синтаксический повтор позволяет достичь определенного уровня напряжения повествования, описать беспокойное душевное состояние персонажа.

Кроме того, повтор местоимения способен задать тексту особый ритм:

«Er hockte sich vor der Höhle auf den Boden. Das Sonnenlicht wärmte ihn. Er atmete die frische Luft ein».

Такое частое членение текста подчеркивает протяженность и длительность происходящего, сосредотачивает внимание читателя на каждом действии по отдельности. Теперь обратимся к переводу фрагмента на русский язык:

«Он присел на землю у входа в пещеру, согреваясь на солнце и вдыхая свежий воздух».

Замена актуального членения оригинала повлекло за собой потерю вышперечисленных свойств. Три события, предикативно оформленных как отдельные, в переводе переданы в рамках одного предложения, что ведет к потере явно выраженной сегментативности. Кроме того, предложение не согласовано: употребление деепричастного оборота предусматривает одновременность действия, которая не имеет места в контексте данной ситуации.

Итак, можно сделать вывод о том, что повторная номинация в отдельных случаях может выполнять композиционную (по Гаку — строевую), а также стилистическую функцию. Такие особенности повторных номинаций следует в обязательном порядке учитывать при переводе текста на другой язык.

2.5. ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НОМИНАЦИЙ

Помимо приема стилистической трансформации в оценочных номинациях, в тексте романа представлены и другие виды трансформаций.

Примем за основу классификацию И. С. Алексеевой и опишем некоторые примеры грамматических трансформаций, к которым прибегнул переводчик для передачи номинаций с немецкого языка на русский.

1. Перестановка

«Baldini hielt die Kerze gegen *das storaxkrächzende Häuflein* этому *Mensch* und dachte: Entweder ist er *besessen*, oder er ist ein betrügerischer Gauner, oder er ist ein begnadetes Talent». «Бальдини поднес свечу к *человекоподобному существу*, *бормотавшему «стиракс»*, и подумал: либо он одержимый, либо мошенник и шут гороховый, либо природный талант».

В примере номинация дважды подвергается приему перестановки. Первая перестановка — это перемещение причастия в постпозицию за определяющее слово, вторая — «рокировка» элементов композита *storaxkrächzend*. В то время как изменение позиции причастия является факультативной, перестановка составляющих сложного слова обусловлена грамматическим строем русского языка, в котором создание аналогичной сложной лексической единицы не является целесообразным.

2. Замена

А. Лексическая замена

«Man hätte dann wenigstens ein Motiv **des Mörders** gekannt».

«Тогда по крайней мере был бы ясен мотив **преступлений**».

В качестве русскоязычного соответствия для словосочетания «*ein Motiv des Mörders*» переводчик выбирает конструкцию «*мотив преступлений*», заменяя номинацию *des Mörders* словом с другим семным составом. Чем обусловлена данная трансформация, однозначно сказать нельзя. Скорее всего, подобный перевод был выбран исходя из личных предпочтений переводчика. В любом случае обе параллельные номинации можно рассматривать как синонимичные, поскольку они выполняют одинаковую роль в тексте.

Б. Замена частей речи

- (1) «[...] all diese grotesken Missverhältnisse zwischen dem Reichtum der geruchlich wahrgenommenen Welt und der Armut der Sprache, ließen *den Knaben Grenouille* am Sinn der Sprache überhaupt zweifeln [...]» «[...] все эти гротесковые расхождения между богатством и бедностью языка вообще обонятельно воспринимаемого мира и бедностью языка вообще заставляли *маленького Гренуя* усомниться в самом языке [...]».
- (2) «So ein Zeck war *das Kind Grenouille*» «Таким клещом был *маленький Гренуй*».

Оба примера иллюстрируют распространенную в тексте перевода модель передачи конструкции *приложение + имя собственное*. При этом для различных лексических единиц исходных номинаций (*Knabe*, *Kind*) подобрано одно и то же соответствие — «*маленький*». Мы считаем, что подобный способ передачи номинации, а именно замена существительного в

роли приложения прилагательным, можно считать оправданным. Формально сохранение структуры возможно: например, «мальчик Гренуй». Основная причина того, что данная модель не совсем соответствовала бы номинации в оригинале, состоит в том, что сочетания подобного рода относятся к разряду так называемого «детского» языка (так дети часто именуют других детей, когда рассказывают о них). Номинации оригинального текста, однако, принадлежат рассказчику, и не могут быть переданы таким образом.

«Auf jeden Fall aber schien ihm *der Mörder*, so absurd das klingen mochte, *kein destruktiver Geist zu sein, sondern ein sorgfältig sammelnder*». «Во всяком случае, как ни абсурдно это звучит, казалось, что *цель убийств не разрушение, а бережное коллекционирование*».

Данный пример изобилует различными видами трансформаций. Лексическая замена, однако, является здесь ведущей. Прослеживается следующий ряд замен: 1) *der Mörder* — *цель убийств*, 2) *kein destruktiver Geist* — *не разрушение*, 3) *ein sorgfältiger sammelnder* — *бережное коллекционирование*. Вероятно, трансформации были предприняты с целью облегчить чтение. Русскоязычное предложение лишено образности оригинала (убийца — это дух) и отличается более четким логично-предметным изложением информации.

В. Замена членов предложения

Следующий пример интересен тем, что по классификации В.Н. Комиссарова (см. раздел 2.1.), он относится к третьему типу эквивалентности, который в первую очередь затрагивает функционально-ситуативный аспект, а не семантику отдельных языковых единиц, в число которых входят номинации:

«Du bist wie einer, der beim Essen schmeckt, ob Kerbel oder Petersilie in der Suppe ist. Nun gut das ist schon etwas. Aber deshalb bist du noch lange *kein Koch*». «Ты из тех, кто за едой определяет, есть ли в супе петрушка или купырь. Ну что ж — это уже кое-что. Но до *новара* тебе еще далеко».

В данном случае не представляется возможным выделить однозначное лексическое соответствие для предикативной номинации *kein Koch* в тексте перевода. Если посмотреть на формальное соответствие лексических единиц друг другу, то можно отметить следующее:

Aber¹ deshalb² bist du³ noch⁴ lange⁵ *kein Koch*⁶.

Но¹ до *новара*⁶ тебе³ еще⁴ далеко⁵.

1) Сохранена противительность *aber* — *но* и ее структурное положение в начале предложения.

2) Опущено каузальное наречие *deshalb*, что можно расценить как варьирование степени детализации описания, при котором каузальность переходит в имплицитное состояние.

3) Происходит перераспределение признака отрицательности (*kein*) на синтаксическую группу «тебе еще далеко до».

4) Наблюдается изменение направления отношений между признаками: замена описательности, выраженной предикативной номинацией, безличной структурой с аналогичной функцией.

Сочетание *noch lange kein* довольно часто употребляется в немецком языке. В корпусе немецкого языка DWDS⁴² для него встречается 85 соответствий, для аналогичного *noch lange nicht* — 591. Сочетание отличается

⁴² URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 17.04.2018).

«*Слуга в дверях* дрожащими руками аккуратно положил кисточкой пудру на его парик». [Эдвард Радзинский. Княжна Тараканова (1999)]⁴³

«Убийцы успели выбежать из отеля на улицу, когда двое *охранников в дверях* опомнились». [Евгений Крутиков. Национальный герой. Жизнь и смерть Желько Ражнятовича (2001) // «Известия», 2001.08.29]⁴⁴

Таким образом, можно заключить, что данная трансформация является личным выбором переводчика. Лексическое добавление при этом опирается на предшествующее предложение, в котором описывается Гренуй, его неподвижное, ждущее состояние на пороге двери («*und verharrte auf der Türschwelle, bewegungslos lauernd*»), и тем самым верно передает ситуацию.

4. Опущение

«Der angesehenste unter ihnen, ein gewisser Runel, erklärte sich [...] bereit, sein Atelier für eine Stunde *dem in der Sänfte herbeigeschafften sonderbaren Pariser Parfumeurgesellen* abzutreten». «Самый почтенный среди них некто Рунель, [...] согласился на чрезвычайный шаг — уступить на час свое ателье *доставленному в носилках странному парижскому подмастерью*».

В процессе поморфемной передачи содержания композита переводчик опускает один из элементов (*Parfumeur-*). Поскольку в предыдущих предложениях уже есть упоминание о профессиональном статусе Гренуя, эта информация в примере номинации содержится имплицитно и не требует обязательной передачи в языке перевода.

«Jede andere Frau hätte *dieses*». «Любая другая женщина

⁴³ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.04.2018).

⁴⁴ Там же.

monströse Kind verstoßen».

оттолкнула бы *этого ребенка*».

Опущение, трудно поддающееся объяснению, поскольку ничего не мешает выстроить аналогичную структуру в русском языке. Возможные причины: личное видение переводчика, либо невнимательность при корректуре.

Примеры переводческой интерференции

В ходе анализа номинаций был найден показательный пример межъязыковой интерференции — перенос специфических черт и структур ИЯ на ПЯ, в результате которого происходит нарушение языковых норм ПЯ⁴⁵.

«Es interessierte ihn jetzt, die Formel dieses verfluchten Parfums herauszubekommen, und mehr noch, das Talent *dieses unheimlichen Jungen* zu erforschen, *der ihm einen Duft von der Stirne abgelesen hatte*».

«Теперь его интересовала формула проклятых духов, и более того, он желал исследовать талант *странного мальчика, который прочел запах с его лба*».

В тексте оригинала автор использует идиому для описания того, как Греную всего лишь за долю секунды удалось почувствовать, что аромат на Бальдини – шедевр другого парфюмера под названием «Амур и Психея». Согласно онлайн-словарю Duden идиома имеет следующее значение: понимать по лицу, что происходит, о чем думает человек⁴⁶. В русском языке существуют идиомы с аналогичным значением, поэтому использование кальки с немецкой номинации нельзя назвать оправданным. Для перевода могут быть предложены следующие варианты:

⁴⁵ Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. — 4-е изд., стер. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2010. — С. 178.

⁴⁶ URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Stirn> (дата обращения: 04.05.2018)

- который отгадал аромат, словно тот был написан у него на лбу/на лице.
- которому лишь одного взгляда на него хватило, чтобы отгадать аромат.
- который с одного лишь взгляда отгадал, что это был за аромат.
- который по одному его виду определил, что это был за аромат.

Вывод

В данной главе мы постарались определить общие закономерности функционирования номинаций главного героя в тексте романа, а также установить, какие типы номинаций вызывают наибольшие сложности при переводе. Итак, были сделаны следующие выводы:

1. Преобладающим видом номинаций главного героя в тексте романа являются местоимения, поскольку они выступают в заместительной функции для номинаций других частей речи.
2. Образ главного героя раскрывается благодаря большому количеству зооморфных метафор. Некоторые метафоричные номинации возникают из сравнений на протяжении всего текста, образуя номинативные цепочки. Поэтому особенно важно соблюдать единообразие при их переводе. Кроме того, необходимо учитывать национальную специфику того или иного слова, выбираемого в качестве соответствия, в обратном случае может произойти нарушение стилистической и коннотационной эквивалентности.
3. Главный герой получает различные оценочные наименования в зависимости от интерпретатора, которым могут выступать второстепенные персонажи, автор или же сам герой. При переводе таких номинаций необходимо, в первую очередь, сохранить оригинальное воздействие лексической единицы на читателя.
4. Некоторые идентичные повторные номинации образуют стилистические повторы, обладающие экспрессивно-стилистической или текстообразующей (строевой) функцией.
5. Рассмотрев различные виды трансформаций, мы продемонстрировали, что даже при наличии соответствия, перевод нередко обусловлен личным выбором переводчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ позволил выявить общие закономерности функционирования системы номинаций главного героя в романе П. Зюскинда «Парфюмер».

В результате исследования было установлено преобладание повторных номинаций с функцией замещения, а также имен собственных, представленных в основном фамилией главного героя. Такие номинации позволяют достичь наибольшей степени идентификации главного героя в контексте художественного произведения. При этом имена нарицательные чаще остальных типов номинаций служат основой для создания метафоричных и оценочных номинаций.

Два данных типа номинаций представляют наибольшую трудность для перевода, поскольку они требуют комплексного подхода с целью сохранения в переводе оригинальной эстетической функции. При переводе метафоричных номинаций, включающих в себя преимущественно зоонимичные элементы, важно учитывать национальную специфику выбираемой единицы в русском языке. В ином случае есть высокая вероятность нарушения стилистической и коннотационной эквивалентности двух текстов. Для художественного повествования важен интерпретатор, который в романе представлен на трех уровнях коммуникации: второстепенных персонажей, главного героя и автора-наррататора. В зависимости от уровня коммуникации, для номинации выбирается соответствующий набор языковых средств: на всех уровнях представлена оценка, наиболее высокая степень эмоциональности которой характерна для уровня второстепенных персонажей. Авторские номинации, даже если они и не лишены оценочных суждений, в целом тяготеют к объективности. Главная цель при переводе оценочных номинаций — сохранение аналогичного эмоционального воздействия на читателя.

Повторные номинации в романе часто выступают во вторичной функции: строевой и стилистической, при этом при переводе весьма нежелательно нарушение структуры повторов. Используемые при переводе лексические и грамматические, а также иные виды трансформаций могут быть обусловленными как различиями в языковых системах русского и немецкого языков, так и личным видением переводчика.

Таким образом, комплексное изучение системы номинаций главного героя в романе П. Зюскинда, последовательное описание переводческих стратегий позволило выявить особенности создания портрета протагониста на немецком и русском языках, а также выделить особые средства выразительности художественного текста, требующие повышенного внимания со стороны переводчика.

Особенности некоторых типов номинаций, выделенных в ходе данного исследования, позволили бы в перспективе создать подробную функциональную классификацию номинаций персонажа в контексте художественного произведения, а также принципов перевода каждого из выделенных типов. Это могло бы стать полезным пособием для переводчиков художественной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова. — Ташкент: Фан, 1988. — 121 с.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. — 4-е изд., стер. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2010. — 368 с.
3. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие. — СПб. : Академия, 2004. — 352 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М. : «Языки русской культуры», 1999. — I–XI, с. 346–399.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М. : «Междунар. отношения», 1975. — 240 с.
6. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М. : Прогресс, 1993. — 502 с.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. — М. : Школа Языки русской культуры, 1998. — 768 с.
8. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковые номинации. Общие вопросы. — М. : Наука, 1977. — С. 230–294.
9. История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Маркина, Н. С. Павловой. — М. : РГГУ, 2014. — 808 с.
10. История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Маркина, Н. С. Павловой. М. : РГГУ, 2014. — С. 776–779.
11. Колшанский, Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. — М. : Наука, 1977. — 358 с.

12. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М. : Высш. шк., 1990. — 253 с.
13. Кулемина К. В. Основные виды переводческих трансформаций // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2007. — №5 (40). — С. 143–146.
14. Метафора в системе языка / Г. Н. Складарская; Отв. ред. Д. Н. Шмелев; Рос. АН, Ин-т лингв. исслед. — СПб. : Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. — 150, [1] с.
15. Мещерякова-Клабахер В. А. Номинация лица в текстах немецких СМИ (на примере номинаций писателя). Дисс. на соискание уч. степ. к. ф. н.: 10.02.04 — Герм. яз. — СПбГУ. — СПб., 2015. — 233 с.
16. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. — М. : Московский Лицей, 1996. — 208 с., ил.
17. Райгородский, Л. Д. О некоторых символах картин Иеронима Босха // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15: искусствоведение. — 2012. — Т. 6, вып. 2. — С. 184–190.
18. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. — М. : Наука, 1977. — С. 129–221.
19. Томахин Г. Д. Реалии — американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. — М. : Высш. шк., 1988. — 239 с.
20. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Высш. шк., 1983. — 303 с.
21. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. — 416 с. — (Студенческая библиотека).

22. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. — СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. — 448 с.
23. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Институт языкознания; Отв. ред. В. Н. Телия. — М. : Наука, 1991. — 214 с.
24. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М. : Наука, 1988. — 215 с.
25. Языковая номинация (виды наименований) / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — М. : Наука, 1977. — 356 с.
26. Языковая номинация: (Общие вопросы) / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — М. : Наука, 1977. — 359 с.
27. Яшина Т. В. Вариативность семантического треугольника в аспекте изучения терминологических единиц [Электронный ресурс] // Огарев-online. — 2013. — №4. — 6 с. — URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/variativnost-semanticheskogo-treugolnika-v-aspekte-izucheniya-terminologicheskikh-edinic> (дата обращения: 12.11.2017).
28. Burns, W. E. Witch Hunts in Europe and America: An Encyclopedia. — Westport : Greenwood Press, 2003. — 359 p.
29. Failing, J. Frosch und Kröte als Symbolgestalten in der kirchlichen Kunst. Dissertation. Bd. I. — Justus-Liebig-Universität Gießen. — Gießen, 2002. — 267 S.
30. Reiß, K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. — München : Hueber, 1971. — 124 S.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. : Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
2. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. — СПб. : Паритет, 2007. — 320 с.
3. Немецко-русский словарь: 80 000 слов / Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. — 7-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1976. — 991 с.
4. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М. : Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.: ил.
6. Wörterbuch Duden online. URL: <http://www.duden.de/>.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ

1. Зюскинд, П. Парфюмер. История одного убийцы / Пер. с нем. Э. В. Венгеровой. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — 320 с.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
3. ABBYY Lingvo Live. Параллельный корпус текстов. URL: <https://www.lingvolive.com/>.
4. Süskind, P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. — Zürich : Diogenes Verlag AG, 1994. — 336 S.
5. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/>.